МНОГОВЕКТОРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ: СТРАТЕГИИ, РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Мурат Бахадиров

Университет мировой экономики и дипломатии,

доцент, кандидат политических наук

Аннотация. В статье анализируются стратегии многовекторной интеграции стран Центральной Азии в условиях глобальной фрагментации. Рассматриваются подходы государств региона к диверсификации внешних партнёрств, укреплению внутрирегионального сотрудничества, а также балансированию геополитических и геоэкономических рисков.

Ключевые слова: *Центральная Азия, многовекторная интеграция, глобальная фрагментация, геополитика, геоэкономические риски, региональное сотрудничество, внешняя политика, стратегический баланс.*

Annotatsiya. Maqolada global fragmentatsiya sharoitida Markaziy Osiyo davlatlarining ko‘p vektorli integratsiya strategiyalari tahlil qilinadi. Unda mintaqa mamlakatlarining tashqi sherikliklarni diversifikatsiya qilish, ichki mintaqaviy hamkorlikni kuchaytirish hamda geosiyosiy va geoiqtisodiy xavflarni muvozanatlashtirishga qaratilgan yondashuvlari ko‘rib chiqiladi.

Kalit so‘zlar: *Markaziy Osiyo, ko‘p vektorli integratsiya, global fragmentatsiya, geosiyosat, geoiqtisodiy xavflar, mintaqaviy hamkorlik, tashqi siyosat, strategik muvozanat.*

Введение

В начале XXI в. Центральная Азия заметно меняет своё положение в системе международных отношений. Если ещё недавно регион рассматривался преимущественно как периферийное пространство, то сегодня он всё чаще

выступает как зона пересечения интересов ведущих мировых акторов.

Подобное внимание к региону связано не только с его географическим положением, но и с вопросами транспортной логистики (в частности, развитием Транскаспийского маршрута), энергетического перехода и доступа к сырьевым ресурсам (как углеводородов, так и критически важных минералов). Одновременно сами государства региона стали активнее участвовать в формировании собственной региональной повестки, стремясь использовать свои международные связи как ресурс внутреннего развития. Эта тенденция особенно заметна на фоне все более возрастающего международного интереса к Центральной Азии [3].

В последние годы данную динамику всё чаще объясняют через призму роста проактивности внешней политики государств региона. Как представляется, что сама по себе эта интерпретация не позволяет в полной мере раскрыть, каким образом страны Центральной Азии реализуют многовекторный курс в условиях усложняющейся международной среды. Это связано с тем, что, как отмечают эксперты, в современной мировой системе наблюдается усиление политически обусловленной геоэкономической фрагментации, при которой государства сознательно ограничивают экономические связи, формируя альтернативные рынки, цепочки поставок и технологические платформы [1].

В подобных условиях многовекторная интеграция приобретает иное содержание. Если ранее она понималась как инструмент балансирования между различными центрами силы, то сегодня всё чаще выступает как более сложный механизм селективного взаимодействия, в котором необходимо одновременно учитывать выгоды, риски и ограничения. Это особенно важно для стран Центральной Азии, поскольку их участие в различных форматах международного сотрудничества развивается параллельно с усилением внутрирегиональной координации и расширением круга внешних партнёров.

В этих условиях, как представляется, многовекторная интеграция уже не может рассматриваться в прежних категориях. Скорее речь идёт о её постепенном усложнении и смещении акцента с балансирования на более избирательное и прагматичное взаимодействие.

При этом важно учитывать, что речь идёт не только о росте внешнего интереса к Центральной Азии, но и о постепенном усложнении самой логики его включённости в международные процессы.

1. Трансформация многовекторной интеграции в условиях глобальной фрагментации

Концепция многовекторности давно занимает важное место в анализе внешней политики государств Центральной Азии. В региональных и академических работах она связывается со стремлением избежать односторонней зависимости и диверсифицировать внешние связи в условиях сложного геополитического окружения. При этом сама региональная интеграция долгое время носила скорее декларативный характер, чем практико-ориентированный [4].

В последние годы условия реализации многовекторного курса заметно изменились. На первый план вышли не только политико-дипломатические, но и геоэкономические факторы: уязвимость цепочек поставок, режимы ограничений, логистическая переориентация, конкуренция инфраструктурных инициатив. Результаты современных исследований этих тенденций показывают, что глобальные сети могут использоваться как инструмент принуждения, а структура взаимозависимости приобретает значение фактора влияния. Эти выводы важны как теоретическая рамка для понимания того, почему многовекторность в нынешних условиях уже не может рассматриваться как простая дипломатическая формула баланса [5].

В этой связи можно отметить, что современная многовекторная интеграция отличается от своей ранней постсоветской версии. Если раньше участие в разных форматах можно было сочетать сравнительно свободно, то теперь каждое внешнее направление всё чаще требует оценки не только по критерию полезности, но и по критерию совместимости с другими обязательствами и рисками. Поэтому многовекторность всё в большей степени выступает не как модель равновесного баланса, а как форма селективной координации внешних связей в условиях растущей международной фрагментации. Такой сдвиг и определяет новую рамку для оценки стратегий государств Центральной Азии.

2. Стратегии многовекторной интеграции стран Центральной Азии

Современные стратегии государств Центральной Азии демонстрируют общую установку на диверсификацию внешних связей, но реализуются по-разному в зависимости от внутренних приоритетов, институциональных возможностей и характера отношений с ключевыми внешними партнёрами. Общим для региона является стремление сочетать развитие внутрирегионального сотрудничества с участием в форматах взаимодействия с внешними партнерами. Именно поэтому сегодня многовекторная интеграция в Центральной Азии строится одновременно по горизонтали и по внешним контурам.

В Стратегии развития Нового Узбекистана, а также в последующих стратегических документах и решениях, принятых в 2026 г., зафиксированы цели, связанные с модернизацией экономики, развитием транспортно-логистической связанности, повышением инвестиционной привлекательности, цифровизацией и расширением открытости страны. Это указывает на то, что для Узбекистана характерна тесная привязка внешнего взаимодействия к решению задач внутреннего развития, что отражает прагматический характер его

внешнеполитической стратегии. Это позволяет рассматривать внешние форматы не как самоцель, а как инструменты реализации национальных приоритетов. Тем самым внешняя политика и интеграционные форматы получают внутренний программный ориентир, а многовекторность приобретает более прикладной и управляемый характер.

Наряду с этим, Казахстан продолжает развивать собственную версию многовекторного курса как одну из ключевых основ внешнеполитического позиционирования. Вместе с тем в современных условиях данная стратегия заметно трансформируется, приобретая черты более сложной и многоуровневой модели, ориентированной не только на балансирование внешних связей, но и на управление рисками и зависимостями в условиях фрагментации мировой системы.

На региональном уровне важным направлением остаётся усиление собственных форм координации государств Центральной Азии. Современные исследования подчёркивают, что регион уже не сводится к объекту внешнего воздействия, а всё в большей степени выступает в качестве самостоятельного актора международных процессов [3]. Страны Центральной Азии активнее формируют собственную повестку и используют внешний интерес к региону для диверсификации международных связей. В этой логике многовекторная интеграция включает не только внешнее направление взаимодействия, но и укрепление горизонтального уровня координации внутри самого региона.

Суммируя, можно отметить, что многовекторная интеграция в Центральной Азии всё меньше выступает как универсальная модель и всё больше - как набор практик, адаптируемых под конкретные условия и задачи отдельных государств.

3. Риски и ограничения многовекторной интеграции

При всех своих преимуществах многовекторная интеграция в современных условиях сталкивается с ограничениями, которые ещё 10 лет назад не имели столь выраженного характера.

Прежде всего речь идёт о том, что углубление глобальной фрагментации сужает пространство свободного манёвра. Конкуренция между крупными державами, санкционная политика, политизация инфраструктур и технологических цепочек создают ситуацию, в которой участие в одном внешнем формате может восприниматься как чувствительный сигнал в другом [5].

Именно поэтому для государств Центральной Азии всё более важной становится не абстрактная равноудалённость, а способность гибко управлять несовпадающими ожиданиями внешних партнёров. Это особенно заметно в ситуациях, когда внешнеэкономические и политические приоритеты различных партнёров начинают расходиться, что создаёт для стран региона необходимость выстраивания более сложных моделей взаимодействия или существенно усложняет процессы балансирования.

Как заключают аналитики МВФ, серьёзным ограничением выступают геоэкономические риски, связанные с доступом к технологиям, финансовым рынкам и логистическим коридорам. По их оценке, фрагментация мировой экономики затрагивает торговлю, инвестиции, миграцию, технологии и доступ к глобальным общественным благам [1].

Для стран Центральной Азии это особенно чувствительно, поскольку их экономические модели в значительной степени зависят от внешних рынков, транзитных маршрутов и доступа к капиталу. В такой ситуации многовекторность уже не может реализовываться только как политическая формула, а требует постоянной оценки совместимости проектов, стандартов и каналов зависимости.

Дополнительную сложность создаёт наложение различных интеграционных и инфраструктурных проектов. Повышенное внимание к региону со стороны ЕС, Китая, России, США, Турции и других партнёров расширяет выбор, но одновременно повышает риск конкуренции маршрутов, стандартов и перегрузки возможностей самих государств региона. Это особенно проявляется в условиях усиления конкуренции за транспортные коридоры и инвестиционные потоки.

Таким образом, наряду с ростом интереса к Центральной Азии страны региона стремятся использовать эту ситуацию в собственных интересах, не превращаются в арену «внешнего соперничества». Однако такая активность требует высокой степени координации между странами региона и политической осторожности.

Важным ограничением остаётся межправительственный, а недостаточно институционализированный характер интеграции. Хотя для стран Центральной Азии это обеспечивает большую гибкость и сохраняет суверенитет, но одновременно затрудняет выработку единых долговременных механизмов согласования [2]. Поэтому значительная часть нагрузки ложится на политическое руководство, национальные бюрократии и экспертные структуры, которым приходится постоянно соотносить внешние инициативы с внутренними задачами развития. В итоге многовекторная интеграция всё больше превращается в процесс управления рисками, а не просто расширения внешних связей.

Заключение

В целом можно выделить несколько ключевых выводов.

Многовекторная интеграция сохраняет значение одной из базовых стратегий стран Центральной Азии. Однако в современных условиях она заметно меняет своё содержание. Речь идёт уже не столько о классическом

балансировании между внешними центрами силы, сколько о более сложной модели селективного и прагматичного взаимодействия, основанного на оценке выгод, уязвимостей и ограничений.

Для государств региона многовекторность остаётся способом диверсификации партнёрств и повышения устойчивости. Но одновременно она требует более высокого уровня координации, гибкости и внутренней согласованности.

Геоэкономическая фрагментация, геополитическое давление и конкуренция инициатив ограничивают многовекторную интеграцию, но не могут сдерживать её. Напротив, именно в таких условиях она становится необходимой формой адаптации к меняющемуся международному порядку.

Следовательно, в подобной ситуации многовекторная интеграция в Центральной Азии должна рассматриваться не как остаток прежней дипломатической модели, а как трансформирующаяся стратегия развития региона в условиях нарастающей международной неопределённости. Её устойчивость в дальнейшем будет зависеть от того, насколько сами государства Центральной Азии смогут сочетать внешнюю открытость с укреплением внутрирегиональной координации и способностью соотносить внешние возможности с собственными приоритетами развития.

При этом важно подчеркнуть, что данные процессы носят адаптационный характер и не направлены на формирование жёстких блоковых моделей взаимодействия.

Использованная литература:

1. Aiyar Sh., Chen J., Ebeke C., Garcia-Saltos R., Gudmundsson T., Ilyina A., Kangur A., Kunaratskul T., Rodriguez S., Ruta M., Schulze T., Soderberg G., Trevino J. (2023). Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism.

Staff Discussion Notes, January. https://www.imf.org/-/media/files/news/seminars/2023/fragmentation-conference/session-1-geoeconomic-fragmentation-and-future-of-multilateralism.pdf

2. Azizov U. (2017). Regional integration in Central Asia: From knowing-that to knowing-how. *Journal of Eurasian Studies*, Volume 8, Issue 2, July, 123-135.
3. Drost N., Cretti G., Giersbergen B. (2025) Central Asia emerging from the shadows. *Clingendael Report*, January. https://www.clingendael.org/sites/default/files/2025-01/central-asia-emerging-from-the-shadows.pdf
4. Dzhuraev E. Multi-Vectoral Central Asia. Monitoring Central Asia and the Caspian Area: Development Policies, Regional Trends and Italian Interests / ed. by C. Frappi, F. Indeo. - Venice: Edizioni Ca' Foscari, 2019. - P. 33-52. https://edizionicafoscari.unive.it/media/pdf/books/978-88-6969-377-9/978-88-6969-377-9_HEJFfxS.pdf
5. Farrell, H., Newman, A. (2019) Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*, Volume 44, Issue 1, Summer, 42-79.